

Н.В. РАЗУМКОВА

(Тюменский государственный университет,
г. Тюмень, Россия)

УДК 821.161.1.9 (Мандельштам О.)
ББК Ш5(2Рос=Рус)6-4

ЛИНГВОДИЗАЙН ЛИРИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ОСИПА МАНДЕЛЬШТАМА (НА МАТЕРИАЛЕ КОЛОРАТИВОВ)

Аннотация: Исследуется лингводизайн художественного произведения как словотворческая деятельность писателя. Особое внимание в «окказиональном репертуаре» Мандельштама уделяется цветообозначениям, расширяющим смысловое пространство лирического текста.

Ключевые слова: словотворчество, креативная направленность идиостиля, семантическая структура окказионализма.

Поэтический труд сопровождается полным накалом физиологических и духовных свойств мастера, видимо поэтому, лирические произведения насыщены «креативными мотивами», обусловленными эстетической потребностью автора в инновациях. В данной работе представляет для нас интерес цветовая лексика, функционирующая в стихотворениях Осипа Мандельштама [Мандельштам 1991], и в той мере, в какой ее использование характеризует языковую личность поэта.

Изложение заявленной темы предварим небольшим пояснением инициальной единицы заголовка статьи – «лингводизайн» (*англ.* design – замысел, проект, набросок, конструкция, эскиз, рисунок, узор). Согласно определению Томаса Мальдонадо, дизайн – творческая деятельность, целью которой является определение формального качества промышленных изделий. Эти качества включают и внешние черты изделия, но, главным образом, те структурные и функциональные взаимосвязи, которые превращают изделие в единое целое [Электронный ресурс]. В нашем понимании лингвистический дизайн художественного произведения – это, прежде всего, словотворческая деятельность писателя, «скрещенный процесс», «возникающий на ходу в порыве поэтической речи», ибо «в поэзии, в пластике и вообще в искусстве нет готовых вещей» [Мандельштам 1991, Т. 2: 363-364]. «Порывообразование» вбирает в себя целый список ходов – метеорологических, парусных, инженерных, кустарно-ремесленных, текстильных и прочих [Мандельштам 1991, Т. 2: 413]. Наше внимание будет сосредоточено на изучении «соподчиненности порыва к краскам и текста».

Мандельштам употребляет цветковые слова «с какой-то профессиональной резкостью» художника [Мандельштам 1991, Т. 2: 381]: *Кипела киноварь здоровья – кровь и пот* («10 января 1944»); *Всех-то цветов мне осталась лишь сурик да хриплая охра* («Армения»). Разумеется, в литературе мы имеем дело не с пигментом, а с его словесным воплощением. Цветовое обозначение имеет триадную природу, что отражено в содержании древнегреческого *χρῶμα*: «цвет, краска, особенность нрава» [Вейсман 1991: 1357]. Цветовое слово в поэтическом тексте так же трехмерно (звучание или графика + значение + смысл). Ассоциации, связанные с колоритом, основаны на механизмах субъективной эмоциональной памяти. Эффект колористических образов широко задействован в художественных сценариях серебряного века. Цель нашего исследования видится в анализе лирических текстов Мандельштама, построенных на игре со стереотипами читательского цветовосприятия – на столкновении узуальной лексики и окказиональных слов с семей 'цвет'. Окказионализм – слово, «созданное на случай», оно необходимо для передачи авторской интенции в конкретном контексте. Колористические окказионализмы как компоненты лирического произведения наряду с другими сенсорными характеристиками художественных реалий участвуют в построении поэтической картины мира. Анализ таких единиц предусматривает выявление той объективной лирической ситуации, которая потребовала специфического обозначения цвета, индивидуального знания, объективированного в слове, а также тех лексико-грамматических средств, с помощью которых это знание было репрезентировано. Семантическая структура «цветосодержащего» окказионализма представляет собой сложную концептуальную модель, имеющую ассоциативно-образное основание, которое декодируется в результате необходимых когнитивных операций в условиях контекста, где к словарному толкованию добавляются смысловые и оценочно-стилистические признаки, а цветовой признак зачастую отступает на задний план. Однако основное содержание колоратива весьма существенно, ибо оно во многом определяет понимание целостного знака.

Феноменальная способность зрительной, в первую очередь памяти аффективной, помогла Мандельштаму создать роскошный «цветник» синестезийных метафорических комплексов, которые получают наглядность за счет узнаваемого содержания, например: *рыбий жир ленинградских речных фонарей* (тускло-желтый), *астраханская икра асфальта* (блестяще-черный); *белизна снегов гагачья* (нежно-белый) etc.

При исследовании тона красок в стихотворном корпусе Мандельштама было выявлено 580 значений цвета. В цветовом фоне текстового пространства доминирует черный тон над остальными участками спектра.

Особое место занимают номинации 'белый' и 'золотой'. «*Печальнейшее из созвучий*» («В смиренномудрых высотах») – 'черный', 'белый', 'золотой', по всей вероятности, являются любимыми цветами поэта. Данные колоративы довольно часто оказываются в «экспериментальной зоне».

Мандельштам использует разнообразные структурно-морфологические цветовые модели, выбирая из средств, имеющихся в арсенале русского языка, те, которые оптимально созвучны замыслу лирической ситуации. «Иновационный» подход поэта можно иллюстрировать строфой из стихотворения «Чернозем»: *Как на лемех приятен жирный пласт, Как степь лежит в апрельском провороте! Ну, здравствуй, чернозем: будь мужествен, глаза т ...* **Черноречивое молчание в работе.** Словосочетание «*черноречивое молчание*» образовано по нормативной модели 'красноречивое молчание'. Как следует из лексикографических источников, словосочетание означает «выразительно передающее какое-либо чувство или настроение; ясно о чем-либо свидетельствующее, убедительное» [МАС, Т. 2: 160]. Содержание окказионализма, созданного сложно-суффиксальным способом, ориентировано на два лексико-семантических варианта с семей 'цвет', контекстуально связанными с семантическими сферами 'здоровье' и 'труд'. В результате реализуются значения, почерпнутые из внутренней формы значения лексемы-образца и порождающего окружения.

В стихотворении «Я живу на важных огородах» Мандельштам создает удивительный эпитет: **Чёрнопахотная** *ночь степных окраин В мелкобисерных изыбля огоньках.* Соположение словосочетаний *чернопахотная ночь* и *мелкобисерные огоньки*, находящихся в контекстуальной аттракции, в лирическом пространстве создает блистательную миниатюру, на которой запечатлен двоящийся образ неба и земли. Композиты со светоцветовым компонентом (**черн-** и **бисер-**) сплетаются в «вязь» аллегорий и отражают авторское восприятие мира – одновременно динамического и статуйного.

Цветовое прилагательное является базой для образования других показателей цвета. Колористический глагол служит точности описания признакового пространства, существительное передает стабильную интенсивность цвета. Окказиональность в этой области связана, в том числе, и с использованием плюралей. В стихотворении «Заблудился я в небе» зафиксировано специфичное употребление формы множественного числа абстрактного субстантива: *Голубятни, черноты, скворешни, Самых синих тонов образцы.* Словарь определяет существительное *чернота* как «тьма, мрак» [МАС, Т. 4: 912]. Субстантивной плюралю присуще индивидуальное значение, которое предопределяет «рождение» синонимического ряда.

В стихотворении «Полюбил я лес прекрасный» зафиксирован частный случай проявления паронимии: сочетаются однокоренные слова, принадлежащие к одной части речи, но противопоставленные по категории рода (*белок / белка*): *И Белок кровавый белки Крутят в страшном колесе*. Актуализация цветового компонента происходит благодаря заключению прилагательного ‘кровавый’ (**крово** – прототип красного цвета) в «белые рамки». Противопоставление **красного** (символа первобытной магической силы) и **белого** цветов, пусть не в наглядно-чувственной форме, а как идеи, полно глубинного, трагического смысла.

Окказиональные словосочетания, обладающие необычайной выразительностью, расширяют смысловое пространство лирического текста. В стихотворении «Есть иволги в лесах, и гласных полнота» важным текстообразующим средством является колоратив ‘золотой’: *Как бы цезурию зияет этот день: Уже с утра покой и трудные длиноты, Волы на пастбище, и золотая лень Из тростника извлечь богатство целой ноты*. Существительное ‘лень’ имеет отрицательную оценку: «отсутствие желания работать, состояние вялости, сонливости» [МАС, Т. 2: 234]. Лексема ‘золотой’ обладает высшей степенью аксиологичности: «замечательный, прекрасный, хороший, счастливый, цветущий, блестящий, великолепный, дорогой, любимый» [МАС, Т. 1: 852]. Сопряжение двух антонимичных лексем парадоксально, но в данном контексте приемлемо, так как «работает» на обозначение редких, прекрасных моментов в природе и жизни человека. Негатив существительного нейтрализуется положительной окраской прилагательного, тем самым приобретает стилистически «законное» смысловое наполнение – желание не нарушить гармонию миропорядка.

Представленная толика примеров из «окказионального репертуара» Мандельштама свидетельствует о креативной направленности идиостиля мастера. Намеренно созданные цветовые слова органичны в лингводизайне лирического пространства: они привносят новые смыслы, сквозь призму которых просматривается личность величайшего поэта XX века.

ЛИТЕРАТУРА

Вейсман А.Д. Греческо-русский словарь: репринт V-го издания 1899 г. – М., 1991.

Мандельштам О.Э. Собрание сочинений: В 4 т. – М., 1991.

МАС – Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. Изд. 2-е, исправ. и доп. – М., 1981-1984.

Электронный ресурс: [URL:http://www.wikipedia.org](http://www.wikipedia.org).

© Разумкова Н.В., 2012